

БОГОХУЛЬСТВО, КОЩУНСТВО И БЛАГОГОВЕНИЕ: ОРТОДОКСАЛЬНЫЕ АКЦЕНТЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Костенич Владимир Анатольевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются некоторые базовые концепты религиозного усмотрения бытия и намечаются пути возможного культурологического расширения их исходной мировоззренческой семантики.

Пространство «веры в Веру», его базовые оппозиции, традиционно представлены в определённой «экстатике» душевных страстей и их духовных противоядий. Одновременно, лексика (любой) религиозной аксиологии, оставаясь априорно теоцентричной, тем не менее всегда (потенциально и парадоксально) центробежна, ибо наделена пафосом сакрального прозетелизма, стремится «освятить» своими трансцендентными смыслами «мирскую» территорию человеческой сущности. Именно в этой связи, религиозное сознание оперирует целым рядом категориальных фиксаций, которые призваны очерчивать (значимые для него) «адские бездны» и «райские кущи» экзистенциального бытования (верующего) человека. В частности, к числу таковых можно отнести такие «смыслоSoСтояния» верующего бытия, как «*богохульство и кощунство*».

Богохульство знаменует собой высшую форму (воинствующей и витийствующей) атеистической деструктивности. *Бог атакуется персонально, «в лоб» и фронтально, без суесловия лингвистических лукавств, без болеуто(м)ляющей дипломатии экуменических реверансов и толерантной политкорректности.* Богохульство ополчается на сам «факт» существования «Абсолютной Сущности», обретшей «антропологический Лик» и явившей себя в «историческом бытии человечества». Сама «абсолютность Абсолютного» вызывает гнев негодования и провокационную жажду «личевать миражи». Богохульство, по-своему, некрофильно. Оно, как Фома Неверующий, жаждет развенчать Абсолютное, погрузив в Его плоть конвульсирующие руки собственного (инфицированного) любопытства. Бог не умер! Его просто «нет!» в любом(!) экзистенциальном обличье! Сама возможность богохульствовать и есть прямое «доказательство» Его отсутствия! Если Абсолют(ное) запаздывает с возмездием за «поруганную честь», следовательно, «греш Ему цена» и всякая теодицея лишается практического и теоретического смысла, считают инсургенты богоборчества.

*Кощунство более «трансгранично», выступает опосредованной и обмирщённой формой духовной негативности, включающей в себя не только «религиозные», но и светские сюжеты «циничного бытия». В своей религиозной актуализации, оно активничает в зоне «творческих проекций» божественных воплощений. Сам Бог не отрицается! Но Он сатанински искушается на дуэль с пигмеями духа, возомнившими себя «новыми абсолютами» и карамазовски полагающими, что «всё дозволено» в области «человеческого слишком человеческого». Для кощунства нет никаких неприкосновенных «сакральных святынь», чьё существование нельзя было бы поругать святотатством небрежения и изуверской беспринципности. Отсюда, например, вандализм краснодарского совершеннолетнего «недоросля», потушившего сигарету об икону у входа в храм Архангела Михаила, а затем чванливо и безмозгло выложившего фотографии своих действий во всемирную(!) паутину. Или, приснопамятные историческому взору, *Pussy Riot*, устроившие «шабаш хорального беснования» в храме Хри-*

ста Спасителя в Москве. Или, кощунственный инфантилизм «продвинуто-сдвинутого геймера», который играл в православной церкви Екатеринбурга с «виртуальными глюками» *Pokemon Go*.

(В)не религиозные ипостаси кощунства начинаются там, где «аминьствующие алтари» покидают многоликие артефакты своего «культурного» существования и транслируют семантику «святости» в светские зоны повседневно́го бытия, нуждающегося в подпитке (идеальной) абсолютностью человекофундированной гуманности. Здесь внекультурно культивируется «человечность», не обожествляемая, но богоподобная, «Божественное», при этом, предполагается «идейно», в качестве «смыслового горизонта» человеческих интенций, ориентированных на «принципиальную ответственность» за все свои «инициативы в бытии». Кощунство же тцится разрушить их «духовную вертикальность», оставить человека на ступени витальной ангажированности и постмодернистской карнавальности. *«Высокое и Истинное» объявляются (интеллектуально или поведенчески) «фантомными издержками культового сознания», не способного к «самочинному» активизму и деконструкции экзистенциальных непротивоположностей.*

Одним из (возможно, неожиданных) проявлений кощунства является *«инцест»*, правда, интерпретированный в расширенной (культурно-исторической) *категориальной* версии. Обычно, под инцестом принято понимать «сексуальную близость» между (едино)кровными родственниками. Подобная «абсолютная (телесная) близость» осуждается по *«генетическим»* и, выводимым из них, *«историческим»* основаниям. Инцест чреват *«биологическим»* вырождением и по(э)тому он «самоубийственен» с точки зрения воспроизводства (качественного) «человеческого материала». Однако, на наш взгляд, инцест содержит в себе и культурологическую реактивацию. Он является концептуальной калькой «светского кощунства», так как аннулирует не (с)только генетические противопоказания для нашей «природы», но и «античеловечен» в своём обскурантизме по отношению к «совести», задающей абсолютные границы нашей «человеческой сущности». Когда, например (возобновляя оптику иллюстраций), мы узнаём из средств массовой информации о том, что некие «гламурные особи-особы» позволяют себе устраивать «рекламную стриптиз-хореографию» у Святого Огня или фоново рекламировать там же «нижнее бельё», у нас есть веские основания описывать данное поведение в терминологии инцеста, ибо оно оказывается *вульгарным панибратством со святынями* социальной памяти, попыткой «породнить себя» с высшими образцами человеческого подвижничества через забвение сакральной дистанции с ними.

Что же способно религиозно и культурно-исторически противостоять вышеупомянутым деградациям и регрессам человеческого духа? Наличествует ли в нашем социальном пространстве «должная реакция» на богохульные кощунства телесного низа и завистливой гордыни межеумочной фамиллярности к Абсолютному и «человечному»? Как представляется, ответ должен быть позитивным экзистенциально и перспективным мировоззренчески. В культуре присутствуют и полифонично бытийствуют (многократно апробированные в ней) свидетельства «святого (светлого) духа», которые концентрируются вокруг катарсических резонансов «благоговения». Благоговение первично отсылает нас к религиозному преклонению человеческого естества перед лицом почтительной радости от теофаний Творца, позволившего себе избрать человека (или какую-либо «Мы-общность») в качестве «моисеев-магометов-будд» Его откровений; трансляторов сакральной предельности и «неопалимых купин» Его попечительной Мудрости. Человека окутывает трепетный восторг и альтруистический (!) страх «богоизбранности», непосильной и ответственной одновременно. Сворачивается таинство подлинного (экзистенциального) причастия к «крови и плоти»

теистического Смысла, заполняющего человеческую душу «слезами умиления» и зрячей жертвенности.

Вместе с тем, благоговение шире своей религиозной проекции. Оно эксплицирует глубинные ресурсы «этической вменяемости», наличие (безоговорочной) приязни к Абсолютному и Святому, обращённость к эхографии совести и способность выражать свою личностную персональность в каллогатии ежедневной пронзительной Чуткости. Чуткости, достроенной до сродственности Общечеловечного! Благоговение общечеловечно в том плане, что посредством его «проживания», человек обнаруживает свою конгениальную соположенность с «историей побед *Человеческого Духа*» в её распредмеченной фактичности и преображающей фактурности. *Душа оплодотворяется духовным зрением!* «Отче наш...» символически звучит отныне, как активированный *гимн богоподобному в Человеке*, а не как поминальная молитва наших бытийных грехопадений!